

Читайте в серии
«Турецкие интернет-бестселлеры»:

«Чёрная бабочка, летящая во тьму»

Продолжение следует...

Биннур Шафак Нигиз

Чёрная бабочка,
летящая во тьму

Freedom

МОСКВА
2024

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Тур)-44
ШЗ0

ASİ ÇAKILTAŞI
1. PERDE: KARANLIĞA UÇAN SIYAH KELEBEK

Binnur Şafak Nigiz
Copyright © 2022 By Binnur Şafak Nigiz

Russian translation rights arranged with KİTAPYOLU BASIM YAYIM
DAĞITIM PAZ. SAN. VE TİC.

LTD. ŞTİ. (DOKUZ YAYINCILIK), Istanbul.

Все примечания и ссылки, которые появляются в турецком издании
Произведения, будут включены в перевод.

Иллюстрация на обложке *Кэтрин Рэй*

Художественное оформление *Анастасии Грищенко*

Шафак Нигиз, Биннур.

ШЗ0 Чёрная бабочка, летящая во тьму / Биннур Шафак
Нигиз ; [перевод с турецкого А. Якубовой]. — Москва
: Эксмо, 2024. — 512 с. — (Young Adult. Турецкие
интернет-бестселлеры).

ISBN 978-5-04-200352-3

Аси Мерве — юная студентка университета, вынужденная изо дня
в день давать отпор жестокому отцу, защищая маму и сестру. Она
чувствует себя чужой в собственном доме и старается бывать там как
можно реже. В университете Аси тоже одиноко: с ней почти никто
не общается.

Загадочный юноша, появившейся в ее жизни, словно внезапный
дождь, способен все изменить. И хотя Аси пытается держаться от
заносчивого нового знакомого подальше — у судьбы свои планы: она
хочет, чтобы девушка встречала его снова и снова. Чем обернется
встреча нежной, словно бабочка, Аси, и неумолимого, подобно
дождю, Карана? Погубит он ее или спасет?

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Тур)-44

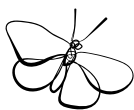
ISBN 978-5-04-200352-3

© Якубова А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. «Издательство «Эксмо», 2024

*Дорогой маме,
которая научила меня быть сильной.
Мы с тобой – две маленькие девочки.
Рада, что я твоя дочь*

Пролог

В груди появилась брешь, настолько маленькая, что из нее вытекло всего двадцать шесть капель крови.

Волны разбились о скалы, и шестинедельный ребенок умер в утробе женщины. Слово, которое возникло в мыслях, смешалось с чужим голосом в моей голове. Подняла глаза и посмотрела на маленькое разбитое зеркало в окровавленных ладонях. Собственное отражение показалось чужим.

Вой ветра, развевающего волосы, оглушал, и, когда я попыталась сглотнуть, почувствовала боль в горле от криков. Маленькие капли дождя били по волосам настолько сильно, что кожа на голове болела, и я поморщилась. Отражение в зеркале не помнялось и продолжило внимательно смотреть на меня. Капли от ударов волн о камни вперемешку с каплями дождя хлестали по лицу. Я подняла голову и перевела взгляд на небо, которое из серого стало лазурным; из синевы лился мрак. Облака двигались в зловещем ритме, приобретая более темный оттенок. Внезапно мое внимание привлекло кое-что другое. На вершине утеса, на самой высокой скале, до которой поднимались волны, стоял человек.

Верхние пуговицы до середины груди и несколько нижних были расстегнуты на его белой рубашке, и ветер развевал ее края, как и его черные длинные волосы, словно заставляя их танцевать от боли. Так же колыхались и белые льняные брюки, показывая, насколько худы были его длинные ноги.

Сама того не осознавая, крепче сжала в руке осколок зеркала.

Я не видела лица этого человека, точнее, не могла разобрать. Заметила, что человек закрыл глаза, его грудь вздымалась одновременно с моей, мы оба наполнили легкие одним и тем же соленым воздухом.

Он сжал большие ладони в кулаки, и, когда душераздирающий крик маленькой девочки эхом раздался у подножия скал, мы с женщиной застыли на месте и посмотрели в сторону звука. Белокожая девочка с черными прямыми волосами, доходящими до пояса, и с красными от холода щеками сидела на гальке в светлой майке на бретельках, розовых шортах и дула на намокшие крылышки бабочек. Она вытирала слезы с глаз тыльной стороной ладони и продолжала дуть, но дождь вопреки ее желанию усилился и начал плавить их крылья.

Я подняла голову, чтобы взглянуть на человека, стоящего на вершине утеса. Его там уже не было. Он спустился по камням и опустился рядом с девочкой. Хотя и оказался повернут ко мне спиной, я знала, что это был тот самый мужчина. Он взял девочку на руки, заправил ей волосы за уши, а затем крепко обнял. Когда маленькая девочка обвила руками шею мужчины, мы встретились с ней взглядами.

Прошлое застыло в ее глазах, но сама девочка теперь улыбалась.

Фетхие/2015

Дождь, от которого перехватывало дыхание неба, почти душил облака своими слезами.

Слушая шум ливня, оставляющего следы на тротуарах, девушка лежала на кровати. Хаос был и снаружи и внутри дома. Ее отец ругался, и с его языка скороговоркой срывались невыразимые оскорбления.

Девушка слышала. Но не слушала.

Различая рыдания матери, знала, что сестра тоже тихо плакала в другой комнате. Когда все это свалилось на плечи этой де-

Черная бабочка, летящая во тьму

вушки, ее маленькое тело, и без того душевно израненное, стало еще меньше, рассыпалось и исчезло на этой кровати.

Но она не собиралась показывать это кому-либо.

Устала. Кости болели так, словно по ним ударили кувалдой. Девушка была слаба. Полностью оцепенела... Бежала, но не осознавала, что все закончилось. Она должна была всегда изображать сильный, непоколебимый, нерушимый и волевой образ, защищать мать и сестру. Потому что знала: в этой семье никто, кроме нее, не способен противостоять отцу. Но было кое-что, чего девушка не знала. Со временем раны покрывались корками, заживали и исчезали, но каждый раз, когда дул ветер, боль на этих местах грызла плоть, как будто хотела напомнить о себе. Каждая рана изнывала от боли.

— Будь проклят день, когда я впустил тебя в свою жизнь и женился, будь проклята ты и тот день, когда ты родила этих двух ублюдков! Я всех вас ненавижу. Ты — моя болезнь, мой туберкулез, от которого я не могу излечиться! — кричал отец.

Девушка схватила покрывало, но ее лицо оставалось непроницаемым.

Запястье, которое несколько часов назад сжал отец, когда она встала между родителями, было красным и горело, но девушка слишком устала, чтобы чувствовать это. Она не впервые испытывала боль.

Ее отец являлся нетерпеливым человеком, который постоянно ругал и оскорблял их. Он был слишком эгоистичен и слеп, чтобы осознать, что две его дочери росли, мечтая об отцовской любви. Когда он в последний раз гладил волосы своих дочерей? Нет, он не стал бы этого делать. Мужчина только тянул их, вырывая с корнями, продолжая кричать и жаловаться, обвиняя во всем самих девочек.

Когда любовь покинула сердце этого человека?

Девушка сглотнула. Задумалась. Действительно, когда в последний раз отец гладил ее волосы?

В последний раз, когда этот человек к ним прикасался, на его пальцах остались пряди. Он жестоко тянул их без малейшего сострадания.

Единственное, что делал отец, — нарушал покой дома.

— Не делай этого, умоляю, остановись, пожалуйста, не делай этого! — молила ее мать сквозь рыдания.

Девушка сжалась сильнее на кровати, приняв позу эмбриона.

Если бы была возможность исчезнуть, стерла бы свое маленькое тельце со всех карт. Ее было слишком много для этой Земли. Застряла внутри собственного тела. Проглотив слезы, девушка больше не чувствовала ничего, кроме соли. Она до смерти ненавидела сладкое. Потому что отец никогда не покупал им шоколад. Была только одна вещь, которую он дал. Горечь.

Шоколад же бывает горьким, верно?

Рамка упала со стены на пол и разбилась, осколки стекла застряли в единственной фотографии, которую они сделали всей семьей. Девушка закрыла глаза.

В то же время молодой человек, вышедший из зала совещаний, сохранял хладнокровие. Ослабил галстук. Стена, перед которой он стоял, была полностью стеклянной. Мужчина смотрел на проливной дождь. Нахмутив точеные брови, глубоко вздохнул, желая почувствовать обжигающую остроту холодного воздуха.

Нет, на самом деле он просто хотел покурить.

Рядом всегда был человек, присматривающий за ним, который при этом оставался его подчиненным. Этот человек, у которого, несмотря на юный возраст, из-за наследственных генов в черных короткостриженных волосах уже появились белые пряди, был ему как брат, но относился очень уважительно. Пока мужчина смотрел на падающий дождь и молнию, украшающую небо своими венами, появившийся позади молодой человек слегка откашлялся.

— Мы снова здесь, да, Серген? — сухо заметил молодой человек. — Дождись меня в офисе. Я хочу подышать воздухом.

Черная бабочка, летящая во тьму

Серген, вышибала, кивнул. Молодой человек увидел свое отражение в стекле. Когда Серген вышел, мужчину снова увенчало одиночество, он пошел по коридору. Автоматическая дверь, ведущая на улицу, открылась на балкон одного из самых высоких зданий города. Пока мужчина закуривал кончик черной сигареты, которую вложил в губы, взгляд был устремлен в самый низ. Он смотрел на землю.

Прекрасно знал: если позволит себе упасть отсюда, все тело развалится на куски всего за пять секунд.

Он сделал глубокую затяжку зажженной сигаретой. Огонь, горящий на ее кончике, стал еще жарче, а треск, который издавал табак, смешивался со звуками дождя. Ядовитый серый дым медленно выходил из его рта. Мужской аромат, пронизывающий холодный воздух, и запах сырости были довольно тяжелыми и интенсивными.

Как бы ни был напряжен на предыдущей встрече, молодой человек вел себя достойно и сумел сохранить спокойствие. Одним из главных принципов было не показывать истинного лица сотрудникам. У этого человека, который всегда проецировал совершенство и выглядел как картина, была жизнь, совершенно неизведанная и полная тайн.

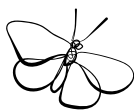
Воспоминания, застрявшие во времени, не отпускали.

Он был темным как ночь.

Настолько темным, что знал: любой, кто приблизится и вдохнет его жизнь, будет дышать смолой вместо кислорода. Может быть, поэтому мужчина не позволял людям узнавать себя слишком близко. Это было запрещено. Все о нем должно оставаться большой тайной, которую следовало похоронить под землей, когда придет время.

Даже солнце, проникшее в его пещеру, гнило и гасло. Так как мог этот человек позволить чужому дыханию смешаться со своим и стать отравленным?

Глава 1

Я была полностью сосредоточена на своей жизни.

Чем больше разговаривала сама с собой, тем больше делала себя на две части. Если это была я, то кем являлась та вторая девушка, говорящая со мной?

Она казалась по крайней мере такой же тихой, как и я. Возможно, даже тише. Я посмотрела на нее.

Под темными глазами такие же круги — результат недосыпания. Прервала тишину, которая повисла между нами, и попыталась игнорировать внутренний крик. Она смотрела такими жестокими глазами, что я никак не могла понять, за что мы терпеть друг друга не могли. Глядя на нее, то есть на свое отражение в зеркале, сегодня утром снова осознала, что пыталась идти с железными цепями на ногах по дорожке, вымощенной магнитами.

Вновь посмотрела на девушку в отражении. На Мерве. Аси Мерве. Ожидающие взгляды тенью преследовали меня.

Мерве.

Меня зовут Аси Мерве.

— Я не хочу сегодня опять опаздывать, Мерве. Если и сегодня не распишусь в журнале, мне конец!

Ала Дефне. Моя сестра. В отличие от моих черных волос, за которыми я скрывала лицо, ее светлые локоны всегда сияли. Ей нравилось плакать и вытирать слезы о мою руку. Не страшно, по крайней мере, это не мои слезы мочили рукав свитера.

— Иду, — пробормотала я, и мой голос напоминал треск льда. Отошла от зеркала и приблизилась к своей кровати, рас-

стегнула рюкзак, лежащий на ней, засунула книгу по управлению бизнесом, которую держала в руке, и застегнула молнию. Открыв дверь старого, но все еще функционального гардероба, повесила черный плащ на руку, а сумку на плечо и вышла из комнаты. Дефне пыталась завязать шнурки в конце коридора, прямо перед входной дверью. Ее длинные светлые волосы были собраны в тугий хвост. В отличие от сестры я почти никогда не завязывала свои. Подойдя к ней, прислонилась спиной к стене, скрестила руки на груди и стала ждать. Не выдержав, закатила глаза, пока Дефне боролась со своим ботинком и ворчала, как будто делала очень тяжелую работу. Мне надоело наблюдать за этим каждое утро. Она выпрямилась.

— Мы уходим!

Мои плечи опустились, когда сестра крикнула маме и не получила ответа. Ее карие глаза медленно встретились с моими, и на лице Дефне появилась нервная улыбка. При обычных обстоятельствах мать ответила бы, но присутствие отца дома, должно быть, увеличило напряжение, поэтому она промолчала. Когда Дефне открыла дверь, комнату наполнил резкий шум дождя, барабанищего по тротуару. Холод начал кусать открытые ноги под черной джинсовой юбкой. Не стала надевать плащ, мне нравилось мерзнуть. Холод был ледяной стеной, преграждающей путь абсурдным мыслям.

Когда я надела ботинки и вышла на улицу, Дефне ткнула меня в спину кончиком зонтика. Я обернулась к ней через плечо.

— Возьми, — сказала сестра, глядя на меня. — И на этот раз, прошу, не забудь его где-нибудь. В прошлый раз ты была похожа на мокрого щенка, когда пришла домой. Может быть, мне привязать к зонтику веревку и повесить тебе на шею?

Когда я посмотрела на Дефне пустым взглядом, она закатила глаза и проворчала:

— Бери. Напоминаю, что мы можем опоздать, мисс Ходячие Похороны.

Не поворачиваясь к ней, протянула руку назад и схватила зонтик, дернув за него. Дефне проскользнула мимо и открыла

прямо передо мной свой яркий розовый, с узором из роз. Когда сестра забралась под раскрытый зонт, я прислушалась к звукам дождя, бьющего по нему.

— Ты собираешься двигаться? — сварливо спросила она. — Мне холодно.

Подняла голову и посмотрела на небо; хоть дождь и не подал на меня, но лил так красиво, что я на мгновение не смогла оторвать глаз от неба.

— Дождь так прекрасен, — прошептала я.

— Ты что-то сказала?

— Дождь.

— А?

— Ничего.

Я открыла зонтик. Мой угольно-черный рядом с тем, что был у Дефне, походил на зонтик отца, который вел дочь в школу. Я была подавлена абсурдностью своих мыслей. Ну, по крайней мере, это то, что я видела. В начальной и средней школе... У каждого мужчины, провожающего дочь в школу, был черный зонт, а у каждой дочери — разноцветный.

Я привыкла жить, основываясь на том, что видела, а не на том, что испытала сама.

Дождь забарабанил по моему зонту. Шерсть серого мохнатого кота, высунувшего голову из мусорного бака в начале улицы, намочла и теперь казалась темнее. Он медленно вскочил на крышку бака, спрыгнул на землю и побегал на другую сторону улицы, чтобы найти укрытие от дождя.

— Тебе не холодно? — проворчала Дефне. Когда взгляд медленно переместился на нее, я увидела, что сестра смотрела не на меня, а в мобильный телефон.

— Ты со мной разговариваешь?

Она подняла глаза и насмешливо посмотрела на меня.

— Нет, с телефоном. Я разговариваю с тобой. Как насчет того, чтобы надеть плащ? Думаю, это отличная идея, — саркастически сказала сестра. — Мне холодно, когда я смотрю на тебя.

— Тогда не смотри.

— Как хочешь. Сегодня конференция, ты же не забыла? Я слышала, что в качестве докладчика будет присутствовать известный бизнесмен. Разве твой факультет не деловое администрирование? Может, почерпнешь что-нибудь от этого парня. Приходи. Я тоже пойду. — Дефне выключила телефон и положила его в карман куртки.

— Не знала об этом. — Я пожала плечами. — Пусть выступает, какое мне до этого дело? Если не буду занята, загляну.

— Он очень богат, — многозначительно сказала Дефне, засунув зонтик под мышку и пытаясь согреть руки, потирая ими. — И, говорят, очень красивый.

— Что мне с того?

Когда сестра начала пялиться на мой профиль, я ускорила шаг.

— Опять Мерве, опять ее холодные реакции, — проворчала она позади. Конечно, было большой глупостью думать, что другие люди смогут меня терпеть, когда даже собственная сестра не могла.

Мы не были бедной семьей. Мой отец Мехмет являлся менеджером известного магазина одежды в Фетхие. Город, в котором я выросла, считался небольшим, но довольно популярным курортом, поэтому доход у отца был хороший. Большинство людей приезжали сюда делать покупки и посетить знаменитые бухты.

Я не стала дожидаться Дефне, институт находился недалеко от нашего дома. Войдя в университетский двор, почувствовала на себе настороженные взгляды. Каждый раз, когда переступала через эти ворота, на меня давила странная аура этих взоров. Интересно, что бы они почувствовали, если бы я смотрела на них так же?

Подойдя к двери университета, закрыла свой черный зонт, обернула вокруг него ленту и зафиксировала так, чтобы не открывался, а затем вытерла мокрую от дождевой воды ладонь о ткань джинсовой юбки.